

Виктор Шкловскій. — Замѣтки о прозѣ Пушкина. М. 1937.

Шкловскій один из значительнѣйших историков русской литературы. Его цѣнность в мастерствѣ примѣненія метода, т. ск., микроскопическаго анализа, чего нельзя, конечно, смѣшивать с пристрастіем к собиранію всяких мелочей независимо от их цѣнности для пониманія того, что составляет прямой предмет изслѣдованія, — просто, чтобы щегольнуть «эрудиціей». Напротив, для Шкловскаго характерна способность пристально вглядываться в «главное». Даже тогда, когда он говорит об общеизвѣстных фактах, он умѣет сказать кое-что новое. Так, напр., в высшей степени правильным и важным мнѣ представляется его замѣчаніе, что пушкинская художественная проза, с ея краткостью, «сухостью», ея близостью по своему построенію к разговорной рѣчи, не строилась, как это обычно считают, из его писем. Столь-же цѣнны его наблюденія над пушкинскими эпиграфами, приводящіе его к выводу о связи между принадлежностью того или иного эпиграфа к извѣстному литературному жанру и отношеніем Пушкина к соответствующему персонажу. Эпиграфы являются, таким образом, косвенными характеристиками персонажей: «каждый герой имѣет свою особую систему эпиграфическаго окруженія». Пушкин многого не договаривал, — слишком извѣстно, почему, — и нерѣдко лишь такія или аналогичныя словесныя «внушенія», обнаруживаемыя путем сопоставленія отдѣльных произведеній (иногда черновых замѣток, записей, частных писем), позволяют понять скрытый смысл сказаннаго им.

Сколь ни плодотворен метод Шкловскаго, мнѣ кажется, что иногда автор черезчур увлекается им, а подчас пользуется им без надобности. То, что образ Пугачева у Пушкина как-то связывался с образом Петра, это наблюденіе Шкловскаго цѣнно и, насколько я знаю, ново; но то, что Пугачев симпатичен Пушкину, что автор старательно доказывает, — ни в каких доказательствах не нуждается, ибо это слишком очевидно.

В иных случаях метод автора использован им для обоснованія взглядов, повидимому, предвзятых. Очень тонко сдѣланное им сопоставленіе Гринева с Бѣлкиным. И все-же утвержденіе, что «у Пушкина... все время есть снисходительно - пренебрежительное отношеніе к Гриневу» — тенденціозно и необосновано. Шкловскій не понял, м. б., не пожелал понять, что пушкинскій герой сам к себѣ относится «пренебрежительно», но вовсе не «снисходительно», Пушкин-же относится к нему не снисходительно и не пренебрежительно, а юмористически, так-же как и к своему Бѣлкину, т. е. глубоко - человѣчно. Толкованіе образа Гринева связано у Шкловскаго с его общей тенденціей: он хочет доказать, что Пушкин никогда не измѣнял себѣ, что он всю жизнь оставался тѣм, чѣм был в молодости, т. е. был настроен бунтарски, революціонно, анти - правительственно, а значит и анти - дворянски. Этот конечный вывод основан на явном смѣшеніи понятій. Надо-ли доказывать, что если Пугачев вышел у него привлекательным, то это оттого, что он сумѣл и в нем, за «злѣдѣем», увидѣть **человѣка**, — как и в Петрѣ за «деспотом», или за «великим реформатором»? «Идеологіи» для Пушкина, великаго гуманиста и персоналиста, были всегда на втором

планѣ. И, во всяком случаѣ, если уж ставить вопрос об его собственной «идеологій», то как-же закрывать глаза на общеизвѣстный факт, что Пушкин высоко цѣнил историческую роль русской родовой аристократіи и именно в ней видѣл противовѣс самодержавію? Но автору, видимо, нужно было доказать, что Пушкин «всецѣло наш», и, обосновывая это утвержденіе, он подчас доходит до предѣлов комическаго: «Пушкин — наш современник: его, как человѣка будущаго, воспринимал Гоголь, который говорил, что Пушкин — это русскій человѣкъ в конечном его развитіи. Пушкин был писателем демократическим. На письма он отвѣчал» (!).

П. Бицилли

Horst Rüdiger. — *Wesen und Wandlung des Humanismus.* — (Hoffmann und Kampe, Hamburg).

Слово «гуманизм» употребляют в разных смыслах, и эта многозначность его приводит нерѣдко к путаницѣ понятій, а не только слов. Вопреки его этимологій, «человѣчность» есть самый поздній и самый неточный его смысл. Гуманность — понятіе исторически связанное с гуманизмом, и потому трудно быть гуманистом, ничего не зная о гуманности, но в ходѣ исторіи оно от своего корня оторвалось, и потому можно быть гуманнѣм, ничего не зная о гуманизмѣ. В современном обиходѣ, особенно французском, соблюденіе гуманитарных принципов называют нерѣдко гуманизмом, смѣшивая тѣм самым элементарную защиту человѣческой жизни и достоинства с той особой идеей человѣка и тѣм особым выбором в области культуры, на которых основан гуманизм.

В исторически точном и понынѣ единственно полезном смыслѣ слова гуманизм означает, прежде всего, извѣстное отношеніе к классической древности, отношеніе не просто академическое, школьное, а живое, при котором она и созданный ею образ человѣка рассматриваются, как предмет не изученія только, но и подражанія или соревнованія. Гуманист, даже если он мечтает античность превзойти, мѣрит духовный рост человѣка и его твореній мѣрою античности. Правда, поступает он так именно потому, что античное представляется ему человѣческим по преимуществу, а, значит, и способным быть усвоенным во всем мірѣ самыми различными людьми, однако усвоеніе это он понимает не как естественное братаніе с чѣм-то средне - человѣческим, а как духовный подвиг, возвышающій и облагораживающій человѣка. В превосходной книгѣ Рюдигера показаны тѣ многообразные оттѣнки, которые в своей долгой исторіи принимал европейскій гуманизм и различія которых объясняются мѣняющимся пониманіем античности в смѣнѣ вѣков и неодинаковым чувством близости к ней в разных европейских странах. Тѣм не менѣе всякому гуманизму присущи двѣ основных черты: живое воспріятіе античнаго преданія и стремленіе так воспитать человѣческую личность, чтобы она могла подняться над средним уровнем человѣческих возможностей.

Вопрос о происхожденіи гуманизма есть вопрос о том, как произо-